Цзяньчжу легко опустился на Террасу отдыхающих журавлей. Огляделся — Хуайвана нигде не было.

Над Пиком Прекращения Убийств, обителью Истинного человека Хуэйюя, сгустились тяжелые грозовые тучи, предвещая скорое бедствие небесного перерождения. Вокруг бушевали неистовые потоки искаженной духовной энергии. Завывал ураганный ветер, ломавший вековые деревья на соседних склонах.

Вдруг в глубине двора чисто и звонко закричал духовный журавль. На глазах у изумленного Цзяньчжу птица стремительно выросла, расправила мощные крылья и… бережно накрыла ими молодые побеги капусты.

Цзяньчжу лишь безмолвно застыл. Он окинул журавля долгим, исполненным глубокого уважения взглядом.

«Когда Хуайван вернется, — подумал он, — надо будет обязательно рассказать ему, какая дальновидная у него птица.»

Грохот небесного грома заставил его вздрогнуть и поднять голову.

Вглядевшись в клубящиеся над горами облака, Цзяньчжу увидел колоссальную формацию, раскинувшуюся по всему небосводу. Сеть переплетенных рунических знаков и искрящихся молний двигалась по траектории девяти кругов и семи звезд, тая в себе смертоносную угрозу.

Эти руны были точно такими же, как те, что он дважды видел на древних массивах перемещения.

Влекомая неодолимой силой, окрестная духовная энергия взвихрилась плотным песчаным ураганом и устремилась к Пику Прекращения Убийств. Столь резкое возмущение стихий не осталось незамеченным: со стороны главных пиков один за другим поднялись в воздух старейшины.

Всматриваясь в сияющий над пиком узор, Истинный человек Дунъин нахмурился:

— Эти знаки из Инчжоу…

— Дело нечисто, — отозвался Истинный человек Гуйтин, переглянувшись с другим старейшиной. — Сначала нужно найти главу ордена.

Две фигуры мгновенно растворились в воздухе, обратившись яркими лучами. Оставшиеся трое старейшин погрузились в мрачные думы.

«Откуда в нашем ордене взяться формации Инчжоу? — мрачно размышляли они, связывая нити событий воедино. — Не связано ли это с недавним визитом молодого главы Секты Небесной Обители? Ведь принимал его тот самый послушник Цзяньчжу, чье происхождение окутано тайной...»

Подозрения разом переросли в уверенность. Обменявшись красноречивыми взглядами, они устремились прямиком к горе Цан.

***

Террасу отдыхающих журавлей занесло снегом. Посреди безмолвного белого савана одиноко высился силуэт в зеленовато-синем одеянии, полы которого яростно трепал ледяной ветер.

Цзяньчжу поднял глаза. Три ослепительные вспышки замерли в небе прямо над горой Цан — Истинные люди Дунъин, Сюйци и Шоучэнь парили в воздухе.

Гору Цан защищал мощный барьер, воздвигнутый Хуайваном, сквозь который не мог пробиться ни один посторонний. Старейшинам пришлось остановиться перед невидимой границей.

Голос Истинного человека Дунъина зазвучал из-под небес:

— Цзяньчжу, ты подозреваешься в сговоре с внешними силами и покушении на старейшину ордена. Сдайся добровольно и следуй за нами в Зал наказаний для допроса.

Цзяньчжу стоял внутри защитного купола, спрятав руки в широкие рукава и всем своим видом напоминая беззаботного старика-привратника:

— Почтенные старейшины, в этой жизни нужно опираться на факты. А если фактов нет — то хотя бы на здравый смысл.

В самом деле, где это видано, чтобы злоумышленники вели столь ленивый образ жизни — изо дня в день возились на грядках да играли с домашней птицей?

— К тебе слишком много вопросов, — сурово произнес Истинный человек Дунъин. — Если чист перед орденом, призови сюда молодого главу Секты Небесной Обители. Пусть подтвердит твои слова.

— Его со скандалом утащили домой, — развел руками Цзяньчжу. — Но я могу отправить ему весточку.

Троица старейшин выстроилась за барьером, не спуская с него бдительных взглядов. Цзяньчжу с самым непринужденным видом достал из-за пазухи передающий камень. Легкое, отточенное

движение широкого рукава, мысленный импульс…

Шло время. Ничего не происходило.

Цзяньчжу ненадолго замер, а затем попытался снова. И еще раз. Камень молчал, словно обычный булыжник под ногами.

Заметив, что старейшины уже начали многозначительно поглаживать свои духовные сокровища, юноша с предельным хладнокровием убрал бесполезный артефакт:

— Видимо, в горах связь барахлит.

Истинный человек Сюйци, потеряв терпение от столь наглого зубоскальства, занес оружие, намереваясь силой пробить барьер.

Однако Истинный человек Шоучэнь перехватил его руку и обратился к беглецу:

— На горе Цан ты можешь прятаться день, можешь два. Но когда вернется Достопочтенный, он не станет укрывать предателя.

Порывистый ветер надул рукава одеяния Цзяньчжу, превратив их в два паруса.

Взглянув на разгневанных старейшин, он вдруг мягко улыбнулся и без тени сомнения шагнул за пределы защитной формации:

— Моя совесть чиста. Я готов пойти с вами.

Он и не собирался вечно прятаться за чужими спинами. В этом огромном и пустынном мире он ценил плечо Хуайвана, но умел твердо стоять на ногах и сам по себе.

***

Мрачный каземат Зала наказаний встретил его холодом черного железа. Тяжелые кандалы со звоном сковали запястья, впиваясь ледяным металлом в кожу. Цзяньчжу привалился спиной к сырой стене, небрежно положив скованные руки на колено.

Пока Истинные люди Сюйци и Шоучэнь спешили к Пику Прекращения Убийств, чтобы помочь обуздать разбушевавшуюся формацию, охранять пленника остался один лишь Истинный человек Дунъин.

Тот, стоя у порога, попытался воззвать к его разуму:

— Чистосердечное признание облегчает вину, Цзяньчжу. Если замешан в чем-то — признайся сейчас, пока есть шанс все исправить и сохранить жизнь.

— Ох, старейшина, — со вздохом отозвался юноша. — Я бы и сам не отказался узнать, в чем меня обвиняют.

Дунъин принялся загибать пальцы:

— Посуди сам: скрыл истинный уровень совершенствования при отборе, бесследно исчез во время испытания в ущелье, постоянно прогуливал занятия, затаил смертельную обиду на старейшину Хуэйюя, спелся с молодым главой Секты Небесной Обители, который к тому же поспешно сбежал из ордена сразу после случившегося…

— Довольно, — торопливо прервал его Цзяньчжу. — Еще немного, и я сам поверю в собственное коварство.

— Вот видишь! — удовлетворенно кивнул Дунъин.

Цзяньчжу промолчал.

Некоторое время они сидели в тишине. Наконец Цзяньчжу, которому наскучило безделье, пошарил в мешочке Цянькунь, выудил пригоршню семечек и принялся меланхолично их щелкать, отсыпав половину своему надзирателю.

Вскоре сырой железный каземат наполнился мерным, умиротворяющим пощелкиванием.

Дунъин, усердно работая зубами, делился последними новостями:

— Глава ордена лично отправился осмотреть Хуэйюя. Раз уж ты отпираешься, сиди и жди вестей.

— Пустяки, — отозвался Цзяньчжу, не прекращая своего занятия. — Чего-чего, а тратить время впустую я мастер.

Старейшина промолчал.

В каземате становилось все холоднее. Из угла уныло доносилось монотонное «кап… кап… кап…» — верный способ свести с ума любого, кто пробудет здесь слишком долго.

Прошло немало времени, прежде чем снаружи послышались торопливые шаги.

В комнату вошел Истинный человек Гуйтин. Увидев две аккуратные кучки шелухи на полу, он на мгновение застыл, но быстро взял себя в руки:

— Глава ордена требует доставить Цзяньчжу на Пик Прекращения Убийств.

Дунъин невзначай пнул кучки шелухи под скамью и с самым невинным видом отпер кандалы.

Цзяньчжу размял затекшие запястья и с легкой улыбкой шагнул к выходу:

— Что ж, ведите.

***

Когда Дунъин и Гуйтин привели юношу на Пик Прекращения Убийств, старейшина Хуэйюй уже лежал в постели без сознания.

Его лицо казалось мертвенно-бледным, зато шея и все тело ниже нее налились пугающим багровым цветом — бушующая духовная энергия едва не разорвала его меридианы.

К счастью, старейшины успели вовремя запечатать его каналы вместе с остатками чужеродной формации. Жизни Хуэйюя теперь ничто не угрожало, однако пользоваться духовной силой он больше не мог.

Истинный человек Вэйи обернулся от постели больного:

— Тебе известно, кто сотворил это?

— Я и сам удивлен, — покачал головой Цзяньчжу.

— В ордене только и говорят, что вы с Хуэйюем на дух друг друга не переносите, — Вэйи пристально всматривался в лицо юноши, пытаясь уловить малейшую ложь.

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Пять старейшин, глава ордена и стражи у дверей замерли, ожидая ответа.

— Глупости какие, — невозмутимо парировал Цзяньчжу. — У нас с ним просто высокие отношения. Любовь сквозь слезы.

Присутствующие лишились дара речи.

Вэйи задумчиво нахмурился:

— Пока Хуэйюй без сознания, твои слова весят немного.

Цзяньчжу промолчал. Глава ордена был прав — закон причины и следствия неумолим. Раз уж он коснулся формации Инчжоу, распутывать этот клубок придется до конца.

Он тихонько перебирал пальцами в глубине рукава, прикидывая шансы: стоило ли попытаться прорвать оцепление старейшин и тайно сбежать в Инчжоу на поиски правды?

Атмосфера в комнате накалялась с каждой секундой. Старейшины безмолвно переглядывались, явно придя к единому решению касательно участи юноши.

Но в этот момент снаружи донесся невнятный гул голосов.

— Что там такое? — Вэйи недовольно посмотрел на дверь.

Один из стражей поспешил выйти и почти сразу же вернулся, взволнованный и растерянный:

— Докладываю главе ордена! У подножия Пика Прекращения Убийств собрались десятки учеников внутренней школы! Они просят аудиенции!

Цзяньчжу вздрогнул и удивленно поднял глаза.

Вэйи тоже растерялся. Скользнув по юноше быстрым взглядом, он решительно направился к выходу:

— Пойдем посмотрим.

***

Выйдя на открытую террасу пика, они замерли.

На фоне бескрайних гор и грозно мерцающей в небесах гигантской формации, у подножия длинной каменной лестницы ровными рядами стояли лучшие ученики ордена — более тридцати человек в одинаковых темно-зеленых одеждах.

Цзяньчжу, шедший позади главы, почувствовал, как в груди что-то дрогнуло.

— Что за самоуправство? — строго вопросил Вэйи.

— Глава ордена! — раздался твердый голос старшего брата Хэ. — Мы просим вас не спешить с наказанием младшего брата Цзяньчжу!

— На каком основании?

— Младший брат не затаил обиды на старейшину Хуэйюя! Во время недавнего урока, когда старейшина едва не совершил роковую ошибку в заклинании, именно младший брат пришел ему на выручку!

Об этой истории знали лишь те, кто присутствовал на том занятии. Вэйи обменялся озадаченными взглядами со старейшинами и серьезно спросил:

— Это правда?

— Мы помним сделанное добро и не смеем лгать, — твердо ответила старшая сестра Сюй.

Остальные ученики дружно склонились в вежливом поклоне, сложив ладони перед грудью:

— Молим главу ордена и старейшин проявить благоразумие!

Их голоса, слившись в единый хор, раскатились над горными ущельями, поднимаясь к самым облакам.

Юные сердца чисты и благородны.

Они знали одно: им помогли, и смолчать сейчас, когда их спасителю грозит беда, означало бы предать само звание соученика. А до интриг взрослого мира и сложных политических расчетов им не было дела.

Цзяньчжу вдруг вспомнил дождливый день, капли, стекающие по черепице, и выбитые на камне древние иероглифы: «Линьюань спасает мир».

Слова были начертаны твердо, размашисто, словно парящий в небесах дракон.

Изначально он пришел в этот орден только ради Хуайвана, но именно сейчас впервые почувствовал себя частью чего-то большего. Почувствовал, что у него есть дом.

***

Все собравшиеся у пика ученики были любимыми преемниками старейшин и самого главы. Их единодушный порыв заставил руководство ордена призадуматься.

Когда толпа наконец разошлась, Цзяньчжу остался стоять у ворот, наблюдая, как несчастный Вэйи в растерянности теребит свою бороду.

Истинный человек Дунъин деликатно переложил руку главы на рукоять метлы, уберегая несчастную растительность на лице:

— Раз уж так вышло, давай заперем Цзяньчжу в Зале наказаний без лишней строгости. А когда Хуэйюй придет в себя, мы его и расспросим.

Цзяньчжу приуныл. Возвращаться в сырой каземат не хотелось — не из-за спартанских условий, а потому, что это ущемляло его свободолюбивую натуру.

— И когда еще этот упрямец очнется… — проворчал Вэйи, выдернув-таки пару волосков из бороды.

— Не нужно паниковать, — меланхолично вставил Цзяньчжу. — Давайте просто закроем глаза, сложим ладони и искренне попросим Небеса. Все обязательно сбудется.

Присутствующие безмолвно уставились на него.

Вэйи уже открыл рот, чтобы отчитать наглеца за неподобающие шутки, как вдруг потемневший небосвод прочертила яркая звезда.

Цзяньчжу хлопнул в ладоши и замер с благоговейным видом. Его вера в чудо оказалась настолько заразительной, что глава ордена и старейшины невольно зажмурились и мысленно взмолились:

«Хоть бы Истинный человек Хуэйюй прямо сейчас открыл глаза…»

В наступившей тишине раздался ровный, прохладный голос:

— Чем вы тут занимаетесь?

Цзяньчжу открыл глаза. Перед ним стоял Хуайван.

Они не виделись много дней, но тот ни капли не изменился — все такой же безупречно красивый, отстраненный, словно сошедший с небес бессмертный. Серебряные волосы были аккуратно собраны под заколку, и лишь дорожная накидка слегка запылилась, выдавая поспешность долгого пути.

Глава ордена и старейшины торопливо опустили руки, пряча смущенные лица:

— Приветствуем Достопочтенного.

Хуайван слегка кивнул и перевел взгляд на Цзяньчжу. Подол халата юноши потемнел от сырости, а исходящий от него холод ощущался даже на расстоянии шага. Сразу стало ясно, где именно он провел последние часы.

Некоторым людям холод удивительно шел к лицу, и Цзяньчжу был как раз из их числа. Озноб бледнил его кожу, отчего губы казались еще ярче, а взгляд — глубже и темнее.

Хуайван задержал на нем взор лишь на мгновение и тут же отвернулся.

Над головой зловеще пульсировал исполинский узор чужой формации, так что объяснять ничего не требовалось.

— Ведите меня к Хуэйюю, — коротко бросил он.

— Слушаемся, Достопочтенный.

Цзяньчжу пристроился в самый хвост процессии. Подол его одеяния покачивался при ходьбе, как вдруг ткань обдало мягким теплом — влага бесследно испарилась.

***

В комнате больного старейшины расступились, давая дорогу Хуайвану. Тот подошел к постели и занес ладонь над телом раненого, сканируя его духовные каналы.

Цзяньчжу, уютно спрятав согретые руки в сухие рукава, разглядывал строгий профиль бессмертного. Брови Хуайвана сошлись у переносицы, а губы упрямо сжались — дела явно обстояли неважно.

Вскоре тот опустил руку:

— Жизни ничто не угрожает, но духовной силой он пользоваться не сможет, пока мы не найдем первопричину этой формации.

Вэйи сокрушенно вздохнул:

— Поверить не могу, что в стенах нашего ордена творятся такие бесчинства. Неужели у нас завелся лазутчик? Но какова цель? Пошатнуть величие Бессмертного ордена Линьюань — величайшего из праведных орденов?

Он продолжал сокрушаться, безжалостно общипывая многострадальную кисть своего хвоста-метелки, как вдруг Хуайван ровно произнес:

— Я отправляюсь в Инчжоу.

Звуки мгновенно стихли. Не только Вэйи, все присутствующие в изумлении уставились на него:

— Достопочтенный опять покидает горы? Стоит ли беспокоить вас из-за такого пустяка, мы могли бы…

— У меня есть и другие дела, — сухо отрезал Хуайван.

Старейшины притихли, не смея возражать.

Цзяньчжу тихонько пододвинулся ближе к бессмертному.

«Возьми меня с собой, ну возьми же», — всем своим видом умолял он.

Хуайван то ли действительно не заметил этого безмолвного призыва, то ли сделал вид, но молча развернулся к выходу. Истинный человек Дунъин уже сочувственно махал Цзяньчжу рукой:

— Ну что, пойдем обратно в казематы…

Сделав два шага, Хуайван вдруг остановился:

— Он идет со мной.

У Цзяньчжу екнуло сердце. Видит небо, он уже собирался вытащить скрытое оружие из мешочка Цянькунь и пробиваться силой.

Старейшины в недоумении переглянулись:

— Что?..

Юноша мгновенно выскользнул из-под руки Дунъина и юркнул за спину Хуайвана.

«Какое счастье, — с облегчением подумал он, — не придется пускаться в бега на последние гроши.»

Вэйи сделал шаг вперед:

— Достопочтенный, но ведь подозрения с него так и не сняты.

— Тем лучше. В Инчжоу устроим ему очную ставку, — лицо Хуайвана оставалось бесстрастным. — Или вы боитесь, что он сбежит из-под моего присмотра?

Глава ордена и старейшины лишились аргументов. Против такой логики возразить было нечего.

— Идем, — бросил Хуайван и зашагал к выходу.

Цзяньчжу, весело покачивая широкими рукавами, поспешил следом.

***

Возвращение на гору Цан показалось ему возвращением домой после долгого отсутствия.

Цзяньчжу неторопливо шагал позади Хуайвана. Серебряные волосы бессмертного мягко струились по спине. Вечерняя буря утихла, унеся с собой остатки взбудораженной энергии, и ночное небо сияло первозданной чистотой, осыпая плечи идущего впереди мириадами ярких звезд.

Вот она какая — дорога под куполом созвездий.

— Достопочтенный.

— Что? — Хуайван не замедлил шага.

Цзяньчжу приоткрыл рот. На мгновение ему захотелось спросить о многом: где тот пропадал эти дни, как узнал о беде и почему все-таки решил взять его с собой. Но все вопросы растаяли, превратившись в тихий смешок, который ночной ветер донес до ушей бессмертного.

Хуайван слегка повернул голову:

— Над чем ты смеешься?

— Я должен сообщить вам одну новость.

— Говори.

— Когда бушевала духовная энергия, гору Цан знатно тряхнуло.

Словно предчувствуя недоброе, Хуайван остановился и обернулся к нему.

Цзяньчжу махнул рукой в сторону двора и заговорщически улыбнулся:

— Ваша хижина рухнула.

— Но вы не переживайте. Ваш духовный журавль оказался на редкость смышленым — он грудью защитил грядки с капустой.

Хуайван молча застыл.

http://bllate.org/book/40746/5340887